

СЕРГЕЙ СЕРП

КЛЮВИК

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Сергей Серп Клювик

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67036620

SelfPub; 2022

Аннотация

Стокгольмский синдром наоборот. История о том, как я взял в заложники свою жену и запер вместе с любовником в ванной. Экшен начнется с середины первой главы, так что либо потерпите, либо промотайте. Терпеливые узнают причину моего безумия, торопыги – сэкономят свое время.

И да, по просьбе модератора: Книга содержит сцены физического и психологического насилия.

P.S. вся история сплошное психологическое и физическое насилие. Наслаждайтесь, и с Наступающим.

Содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава первая	4
Глава вторая	18
Глава третья	28
Глава четвертая	39
Глава пятая	44
Глава шестая	49

Сергей Серп Клювик

Глава первая

Без диалогов

Моя жена всегда отличалась смелостью и уверенностью в себе, граничащей, порой, с безрассудством. Знал ли я о том, что она мне изменяет? Нет, не знал. Предположу, что в моей голове, той её части, где теоретически располагается мозг, и возникали некие подозрения, но я, не без удовольствия, списывал их на собственную, зарождающуюся неприязнь. К слову об удовольствии. Кому-то это может показаться странностью, кто-то отыщет в этом скрытый подвох, но лично я, назову это обычным *эгомазохизмом*. И пусть текстовый редактор, да и вы сами, скорее всего, не слышали подобного термина, я продолжу настаивать именно на этом диагнозе.

Эгомазохизм, как понятие, является продуктом эгоизма и мазохизма. Впрочем, об этом вы уже наверняка и сами догадались. Не суть. Термин сей приглянулся мне своей нелогичностью, слиянием взаимоисключающих понятий. Более того, я бы примешал сюда и нарциссизм, но тогда уже совсем какая-то абракадабра получится. *Эгомазохизм* же – болезнь добровольных мучеников. БДМ. И да, прошу не путать, са-

ми знаете с чем.

Лень, объединившаяся с природным оптимизмом, который, в свою очередь, мутировал до крайнего пренебрежения ко всему, что не угрожает безмятежному существованию моей персоны, и породили это добровольное мученичество. Под мазохизмом же подразумевается сугубо эмоциональное насилие. Для себя я вычленил несколько причин, которые и попробую изложить в столь легкоусвояемой форме, что ваш мозг почувствует себя желудком парализованного старика, «трудящимся» над разбавленной банановой кашей.

Причина первая. Нотка любопытства, что дала петуха в монотонной сонате безразличия, заставила меня обратить внимание на необычное явление. Сначала я еще не понимал и не расценивал это новое чувство, как удовольствие, но те неповторимые и столь гармоничные ощущения заставили меня повнимательнее присмотреться. Тоска мне стала в радость, а печаль и обида наделяли меня сверхчеловеческой энергией для бездействия. Я превращался в реактор, incapable отдавать тепло. Но каждый раз за секунду до взрыва срабатывала аварийная защита, и катастрофа откладывалась на неопределенный срок.

Ко второй причине я бы отнес свою тягу к театральности. Нервно вступают альты, первая скрипка вот-вот заплачет, и на сцене появляется мой долгожданный нарциссизм. Угрюмое лицо, губы накусаны, низкий голос и особенный взгляд.

О, как я люблю этот сквозной, пронизывающий взгляд. В нем есть все. И пусть я сам никогда не смотрел на себя подобным взглядом, никто из знакомых не описывал мне его со стороны, и пусть окажется, что на деле он не сильно отличается от взгляда какого-нибудь олигофрена – мне плевать. Я знаю и верю, что весь энергетический поток, который он отсылает, найдет своего понимающего адресата.

Фух. Не так уж и проста эта банановая каша.

На третью причину зарождения эмоционального мазохизма я разом свалю все оставшиеся предположения в порядке возрастания их нелепости с припиской «а может быть».

Люблю, когда меня жалеют, словно сам никогда не восклищал о недопустимости и никчемности жалости. Хуже того, всем и каждому лично пропагандировал ее оскорбительную аморальность. Степень нелепости – банально.

Люблю мириться. Какое наслаждение: вновь обрести шаткую псевдогармонию в треснувших отношениях. Степень нелепости – наивно.

Люблю, когда человек испытывает передо мной вину. Стоит кому-то ущемить мои права или позариться на личное пространство, я до последнего, с пеной у рта, начну отстаивать свои рубежи. Правильно? Конечно. Вот только плевать я хотел и на права, и на пространство. Набив себе цену, я уступлю, пафосно оскорбившись. Степень нелепости – к мазохизму притянута за уши.

Все вышеперечисленное неимоверно раздувало мое эго.

Самому себе я казался праведным христианином, вот-вот должны были крылья прорезаться. Но вместо крыльев, благодаря жене, выросли дьявольские рога. Такой болезненный букет, окончательно распустившийся уже после сбора, в моей, и без того захламленной, черепной коробке, привел к дальнейшим событиям.

Считать совместную жизнь стажем или сроком бессмысленно и одинаково безнадежно. Придавая значение времени в компании родственной души – вы подписываетесь под утверждением, что ошиблись в выборе. Сочувствую. Наша совместная жизнь вошла во вторую пятилетку, когда скандалы стали нормой, а поводом для них служила любая мелочь. Детей нет, но всерьез мы даже не думали о разводе. Каждый из нас в глубине души боялся этого безвозвратного шага. К тому же скандалы обычно закатывала жена, я же со временем полюбил семейные ссоры. В определенный момент я нарочно стал портить отношения и выводить супругу на конфликт, используя для этого крайне невинные, на первый взгляд, методы. Я тщательно маскировал собственные шалости, доводящие ее до белого каления, под обычные рядовые недочеты, которые могли случиться с кем угодно, и никто в этом не был бы виноват. Особенно я любил исказить воспоминания и нарочно удивлялся давно согласованным решениям, будто она сама их только что выдумала. Я трактовал её слова, как мне хотелось, и неустанно практиковался в казуистике.

И вот измена. Едва услышав про адюльтер, я не поверил.

Что-то оборвалось в моем сердце. Мне стало холодно. Я до сих пор с содроганием вспоминаю застигнувшее меня чувство, отразившееся искажением на моем лице. Она же заметила это и улыбнулась. Её улыбка: наглая, самодовольная с легким прищуром оказалась невыносима. Не способный отвести взгляд от губ, ставших в одночасье мерзкими и безвозвратно чужими, я почувствовал, как старею, и силы покидают меня. Я был жалок, и не смог справиться с этой, столь обожаемой когда-то, обидой. А услышав его имя, эмоции захлестнули с головой. Что сыграло решающую роль – не знаю. Может быть, то, что жена специально назвала его в ласкательной форме, или то, что носитель этого гадкого имени был мне давно знаком и мною презираем. Скорее всего, как обычно говорят врачи, причиной болезни послужило все вкуче.

Я схватил ее за горло и с силой ударил о притворенную дверь. Та резко распахнулась, в петлях послышался невнятный скрип. Не разжимая хватки, я рванул её в противоположную сторону. На этот раз удар пришелся в притолоку. Жена едва успела сделать какое-то движение руками, чтобы закрыть лицо, или как-то сгруппироваться. Сколько раз я ударил её о притолоку, не помню, но в какой-то момент она просто перестала хрипеть и потеряла сознание. Ноги подкосились, и её шея выскользнула из рук. Изменница лежала на полу. Из рассеченной скулы текла кровь, одежда сбилась, волосы растрепались, запястье левой руки застыло в неесте-

ственном положении, будто я нечаянно его сломал. Да-да, нечаянно. Я же не хотел ломать ей запястье, во всяком случае, в тот момент такой цели у меня не стояло.

Оставлять тело на полу показалось мне слишком рискованно. В любой момент супруга могла прийти в чувство и убежать или вызвать полицию, а моя душа, хотя, скорее это были уже клочки, жаждала очной ставки. В чулане мне на глаза попался старый велосипедный замок с цепью. В коробке с изолянтной и лампами лежал капроновый шпагат. Взяв лампочку, я стал рассматривать её печать, с указанием мощности и каким-то другими непонятными цифрами, после чего положил на место. Изолянту припрятал в карман.

Зайдя в ванную за тряпкой, чтобы вытереть кровь, мой взгляд остановился на железной крестовине слива. Стальное перекрестье выглядело весьма надежным, и в голове родилась идея. Положив бесчувственное тело, впрочем, бесчувственным оно стало задолго до этого вечера, в ванну, я пропустил через крестовину тонкую цепь. Затем, обмотав обнаженные лодыжки, защелкнул замок. Руки супруги я завел за спину и с помощью веревки тщательно зафиксировал запястья. Рот залепил изолянтной, приподняв волосы и несколько раз обернув моток вокруг головы. Подергав цепь, и удостоверившись, что благоНЕверная никуда не сбежит, я вышел, притворив за собой дверь. Свет решил погасить, чтобы, включив по возвращению, насладиться, глядя, как она шурится и прячет бесстыжие глаза.

Тихий осенний вечер. Точь-в-точь под стать нашему пасмурному городку, где серые пятиэтажки перемешались с деревенскими домиками, а на улицах чаще попадались водопроводные колонки, чем работающие фонари. Вместо асфальта то тут, то там попадалась старая плитка в форме катушек, давно вздыбившаяся и скрывающая под собой грязные лужицы. Прогулка в таких местах напоминала поход по минному полю, когда из-под проседающей плитки с хлопанием вырывалась холодная вода и окатывала ноги.

Машину я купил пару лет назад. Так, чтоб была. Ездил мало. Автомобиль, словно тролль, прятался в кирпичном боксе и редко видел солнечный свет.

У человека, к которому я направлялся с туманными намерениями, я уже бывал. Новая двенадцатиэтажка, а мне — на восьмой, налево от лифта. Остановившись у подъезда, я выудил из-под сидения маленькую саперную лопатку, которую всегда возил с собой. Складная вещица приятно лежала в руке и зарекомендовала себя очень полезной. Из подъезда показалась дама с маленькой черной собачкой. Я прибавил шаг, код домофона был мне неизвестен. Спокойствие, только спокойствие. Оказавшись в доме, я еще не знал, как поведу себя дальше. Удачным считался любой исход, монета не могла упасть на ребро.

От нетерпения в лифте я начал стучать ногой. Наклонившись к зеркалу, я проверил, нет ли кругов под глазами. Провел пальцем против роста бровей и остался доволен. Ни один

волосок не выбивался из стройного ряда, не завивался и не был слишком длинным. Двери открылись. Я резко выскочил на площадку и направился прямо к его квартире. Лопата скрывалась за пазухой. Открыл он на удивление быстро и без вопросов. Скорее всего, ждал. Скорее всего, не меня. Я поспешно шагнул в коридор, он, пропуская меня внутрь, отпрянул. За мгновение, когда наши глаза встретились, я прочитал все: усмешку, пренебрежение, надменность и даже оскорбительное, понимающее снисхождение, которое он посмел мне оказать. Едва хозяин потянулся, чтобы притворить дверь, я выхватил саперную лопатку и со всего размаха ударил соперника по затылку. Мой враг отлетел к двери, та – захлопнулась. Ноги его подкосились, и обидчик слегка просел. Второй удар должен был обрушиться немного правее, но мишень успела повернуть голову, и лопата прошла по касательной. Третий и последующие удары я наносил, по сползающему и лежащему телу. Немного успокоившись, я прошел в комнату. Кроме хозяина в квартире никого не оказалось.

В холодильнике скучала початая бутылка виски. Пару глоточков не повредит. Бутылка была небольшой, стилизованной под флягу и под стать лопате отлично помещалась в руке. Обходя жилплощадь четвертый или пятый раз, я стал думать, как вынести и погрузить тело. Ответ нашелся скоро, и лежал он у меня под носом. Тонкий ковролин с мелким ворсом. Затащив любовничка в комнату поближе к окну, я за десять минут оформил его в текстильный рулет и волоком

поташил на лестницу.

Я несколько раз перевернул его, и не понимал, покидает он жилище вперед ногами, или все-таки головой. Спускаться на лифте не безопасно, но во всех высоких домах предусмотрена аварийная лестница. Его дом не был исключением, выход на лестницу располагался за общим балконом. Если на этаже стоят пустые бутылки от пива, этажом ниже на стенах обязательно будут разводы мочи. Свернутый ковер с увесистым содержимым плавно скользил вниз по гладким ступенькам. Один из углов постоянно заминался, и я пожалел, что не обмотал сверток скотчем или чем-нибудь наподобие. К слову сказать, уходя из квартиры, я закрыл её снаружи на ключ, чтобы исчезновение хозяина не вызвало подозрений слишком рано. Крови вышло немного, вытирать не стал. Сбившись со счета, я вышел на общий балкон. Третий этаж. Еще два пролета.

Я никогда не жаловался на физическое развитие, но изрядно вспотел, пока перевалил ношу через перила и осторожно, да, именно осторожно, сбросил в растущие под балконом кусты. Послышался треск сломанных веток, заглушивший звук от падения. Прыгать самому не было смысла. Я вышел на этаж, вызвал лифт и спустился как ни в чем не бывало. Общий балкон, откуда выпало тело, выходил в палисадник. Вернувшись к машине, я перепарковался, чтобы меньше волочить ковер по земле. Опустив заднее сидение, я закинул его в багажник, а оттуда затянул в салон. Место

происшествия я покидал с выключенными фарами.

От гаража до дома недалеко, если идти налегке, а не тащить здоровенный ковер, да еще с завернутым внутри человеком. К моему удивлению никаких признаков жизни тело в ковре не подавало. Мысль, о том, что этот урод уже задохнулся, мелькнула в моей голове, но разворачивать его раньше времени мне не хотелось. Оставив машину у подъезда, я начал медленный подъем на этаж. К несчастью мы живем в пятиэтажке. К счастью, мы живем в пятиэтажке на втором этаже. Открывая дверь собственной квартиры, мне послышалось, как кто-то спускается. Я напрягся. Шаги приближались. Топот ритмичный с легким шелестом. Вдруг мне показалось, что бежит ребенок. От этой догадки мне стало легче, вот только топот принадлежал отнюдь не ребенку. Спускался сосед, живущий на пятом этаже. Мужчина средних лет, навеселе, торопится. И бежать бы ему дальше, так нет. Он по инерции уже занес ногу над новым лестничным пролетом, как вдруг остановился и спросил про этот чертов ковер.

– Коврик выбивали?

Я был уверен, до последнего был уверен, что он ничего не спросит, а просто пропрыгает и скроется. Более того, за секунду до вопроса, он и сам не собирался его задавать. Всему виной стало приподнятое настроение и желание поделиться им со всеми, кто бы не попался на пути. Я продолжал машинально водить ключом в поисках замочной скважины, при этом даже не глядя на дверь. Сосед стоял в шаге и улы-

бался, не догадываясь, что завернуто у меня в «коврике». Я попытался выдавить из себя слово, но выжал лишь утвердительный кивок. Сосед хихикнул, развернулся на каблуках и также весело заскакал к выходу. Затаив дыхание, я еще несколько секунд ждал, когда доводчик вернет дверь подъезда на место и наступит полная тишина. Тук. Тишина. Шурша половиком, я затащил в дом позднего гостя и заперся.

Впервые после признания жены мне стало страшно. Стоя в коридоре, в абсолютной темноте, я и не представлял о следующем шаге. Карман оттягивала бутылка виски. Пить. Губы горели, я вспомнил, что очень давно не ел, и в горле возник дискомфорт. Ощущение мерзкое. Преодолевая тошноту, я опустился на свернутый ковер. Раздался звук, напоминавший приглушенный рев. К реву добавились глухие удары, пульсирующие из-за закрытой двери в ванную комнату. Вскочив с ковра, я резко включил свет. Все вокруг выглядело заброшенным, бесцветным. Ощущение, будто по ошибке ты оказался в чужой квартире, но вместо того, чтобы извиниться за ошибку и уйти – остался.

Как и предполагалось, от внезапного света жена начала морщиться и прятать глаза, но недолго. Поборов дискомфорт, она быстро перешла в наступление. Уставившись на меня со всей невыраженной злостью, супруга заревела сквозь изоляцию и стала дергаться насколько позволяла цепь. От неожиданности я испугался и отшатнулся назад, но, отведя взгляд в сторону, кашлянул и рассмеялся. Жена трясла

головой и пыталась поймать мой взгляд, в то время, как я вернулся в коридор и занялся распаковкой подарка. В комнате, где ковер лежал изначально, было значительно просторнее, чем коридоре и потому пришлось немало повозиться, чтобы добраться до содержимого.

Мужчина в ковре не подавал признаков жизни. Волосы с запекшейся кровью слиплись, как от жвачки. В ванне ревели жена, позвякивая цепью, словно кентервильское привидение. Опустившись на колени, я положил на шею невольному гостю средний и указательный пальцы. Дождавшись легкой пульсации в подушечках, мне стало немного легче; если вы помните, я собирался предъявить жене еще живого любовника. В чулане нашлись пластиковые хомутки. Их длины было достаточно, чтобы с запасом обогнуть запястья, лежащего в коридоре мужчины. Прodelав это несколько раз, я соединил хомутки с двух рук между собой и затянул потуже. Ноги решил не связывать, пока. Тела жены и любовника, планировалось разместить в ванне лицом к лицу. Супруга пристегивалась к сливу, хахаль с заведенными за спину руками фиксировался к крестовине перелива.

Удивление жены вышло очень натуральным. Не знаю, догадывалась ли она, зачем я уезжал, или нет, но подобного соседства уж точно не предполагала. Засунуть любовника в ванну оказалось никак не проще, чем перевалить его через бортик общего балкона, а то и сложнее. В ответ на мои неловкие манипуляции жена потеряла дар речи, и вновь за-

дергалась, заверещала, только когда я, справившись с бортиком, начал оттаскивать тело в противоположную сторону. У любимой когда-то женщины началась неконтролируемая истерика. Жена пыталась свернуться в комок, подтаскивала под себя ноги насколько позволяла цепь и выкручивала плечи в надежде освободить хоть что-то. Вытащив ноги из-под навалившегося тела, она начала отпихивать его, охаживая пятками в живот, грудь, лицо и промежность, после чего как можно плотнее, прижала колени к груди и, отвернувшись к стене, задрожала от слез. Не прошло и десяти минут, как осквернители чести оказались в ванне: обездвиженные и с заклеенными ртами.

Давно ли он открыл глаза, я не знаю. Туманный взгляд обращен на и сквозь меня одновременно. О понимании происходящего не могло быть и речи, лишь недоумение и недоверчивость. Он и жену мою разглядел не сразу, а заметив, не удивился вовсе. Как будто ждал её точно в такой позе. Мне стало скучно. До сих пор не понимаю, о какой скуке вообще могла идти речь, но все было именно так. Со мной произошло дежавю. Все это я уже видел или представлял. Мне показалось, что сознание покидает меня. Я едва успел ухватиться за борт ванны, как меня начало рвать. Залив блевотиной ноги гостя и оцепеневшую жену (в какой-то момент она перестала реветь), я отшатнулся к стиральной машине. По полу загремели зубные щетки, бритвенный станок и прочие принадлежности. То ли от запаха рвоты, то ли от самого

инцидента, взгляд хахаля моментально прояснился и вспыхнул. Мужчина рванулся вперед. Как и в первый раз, я инстинктивно отшатнулся к двери, вспоминая, где оставил лопату, но: китайские хомуты – 1, любовник моей жены – о. К яростным попыткам высвободиться присоединилась супруга, но даже совместные усилия не принесли им никаких результатов.

Настроение мое менялось, как цифры на рулетке. Из кармана пальто, оставленного в коридоре, торчала бутылка виски, я достал её и сделал пару глотков. Вкус – фу, мерзкий. Я забыл прополоскать рот, и благородный напиток смешался с желудочной слизью. Голова вновь начала кружиться. Я погасил свет и подтащил к двери тумбочку. Коридор был узкий, дверь из ванной открывалась наружу. Мои пленники не смогли бы выбраться без моего ведома. Положив под подушку лопату, я заснул.

Глава вторая

Знакомство

Я до сих пор не представился. Меня зовут Казимир, мне тридцать два года. Я работаю социальным педагогом и несколько раз в неделю прихожу домой к детям, которые из-за болезни не имеют возможности учиться в обычной школе. Как зовут этих двоих вам знать необязательно, скажу только, что мужчина моложе моей жены, но уже является ее начальником.

Проснувшись утром на диване во вчерашней одежде, я медленно поднялся и по привычке пошел чистить зубы. В ванне было тихо, не слышалось ни единого звука. Тумбочка плотно придвинута к двери. Я отодвинул её, клацнул выключателем и заглянул на огонек. Жена с любовником спали по разным сторонам ванны, но от света начали приходить в себя. Любовничек первым открыл глаза и попытался что-то сказать. С изоляцией говорить было сложно, но по интонации угадывалось, что он о чем-то просил. За ночь их лица стали мне столь ненавистны, что я едва не вернулся за саперной лопатой, чтобы забить их до смерти. Это они довели меня. Сами. Я лишь ответил агрессией на предательство, не стал терпеть. Эти двое виноваты во всем произошедшем, только они и больше никто. Мой разум начал мутиться.

Жена просыпалась медленно, и я решил немного ускорить

процесс. Спустив штаны, устроил ей небольшой душ. Сучка задергалась и стала отворачиваться к стене, но мой утренний напор оказался достаточно сильным, чтобы достать её и там. Я лил ей прямо в ухо, а когда струя стала ослабевать, добавил за шиворот. Любовничек тоже прятал лицо. Ему было мерзко и страшно смотреть на все это, хотя я и не ссал на него.

– Не стесняйтесь. – Я включил душ и окатил по ногам своих пленников. – Мочитесь и не бойтесь быть застуканными.

Не знаю почему, но за всю ночь они так и не догадались включить воду. Жена запросто могла, вытянув ноги, привести смеситель в вертикальное положение, но не сделала этого. Без воды они долго бы не протянули. Я пошел на кухню и принес две трубочки, после чего закурил. Я не курил несколько месяцев. Медленно выдохнув после третьей или четвертой затяжки, я поднес сигарету горячей стороной к лицу благоНЕверной. Дым ел глаза, она щурилась и пыталась отвернуться.

– Я дам тебе воду, если не будешь крутить головой, а если будешь – прижгу щеку.

Жена зажмурилась и насколько могла втянула голову в плечи. Я же, сделав еще одну затяжку, чтобы сильнее разгорелся табак, начал прожигать в изоленге дырочку. Края отверстия плавилась. По лицу жены угадывалось, что она поджимает губы. Когда она резко дернулась, я понял, что прожег достаточно и вставил трубочку. Края изоленги были еще горячими и пластиковая трубочка очень удачно приплавилась

к ним. Любовничек не сопротивлялся, только морщился и тоже вздрогнул, после чего вместо трубочки я вставил ему оставшуюся часть сигареты. От удовольствия его лицо даже повеселело. Он дотянул до самого фильтра, затем вновь жалобно посмотрел на меня и что-то забормотал. Я вставил ему трубочку и пошел завтракать.

Вскоре из ванной послышался характерный шум. Как я и думал: жена, лежа на боку, через трубочку пила прибывающую воду, а её друг, поскольку не мог наклониться, пристроился прямо к струе. Прополоскав рот после завтрака, я сплюнул в ванну, подпер дверь тумбой, выключил свет и ушел.

Все, что происходило со мной дальше, я расцениваю как поступки нездорового человека. Я не получал никакого удовольствия, было мерзко, гадостно, отвратительно, тошнотворно. Я нарочно губил себя и их, по двум причинам: во-первых, остановиться было нельзя, невозможно, *happy end* с таким началом просто недопустим, а во-вторых: я был зол и выжжен изнутри собственной злостью. Все что от меня осталось, была лишь тонкая скорлупа, папье-маше из пожелтевших газет, иллюзия, мыльный пузырь, пшик. Разум и тело жили по отдельности, чувства работали без рефлексии. Я, как одинокий марсоход, погибший для общества и жизни, ползал по враждебной планете и просто собирал информацию. Для чего? Тогда я еще не знал ответа. Я делал то, на что в здравом уме никогда бы не решился. Подчеркиваю особенно жирной чертой, именно в *здравом* уме. Но это все они,

они довели меня до такого.

Я не заметил, как оказался на улице. Поначалу я думал, что мне будет сложно покинуть пленников, что я стану бояться оставить их одних, но едва я вышел на свежий воздух, как все сомнения тут же развеялись. Во мне царил внутренняя уверенность, которой я давненько не ощущал. Я заглядывал в лица проходящим девушкам нагло и бесцеремонно, даже с вызовом. «Пойдем ко мне. Я приковал свою жену к ванной в компании с избитым любовником», – говорил взгляд, но девушки не могли правильно интерпретировать мои сигналы, прятали глаза и проходили мимо. Я скорее напоминал помешанного, человека, слетевшего с катушек, нежели альфа самца. Догадавшись, я разозлился еще сильнее и повернул обратно домой.

Я тихо открыл дверь, зашел в квартиру и прислушался. Тишина. Вода выключена. Отодвинув тумбочку, я зажег свет и резко открыл дверь. Надежда мелькнула в глазах жены, но также скоро растаяла. Хахаль вновь загудел. Тихо и жалобно он явно просил меня о чем-то. На дне ванны стояла вода. Одежда пленников практически вся была мокрой. Жена молчала, не знаю, о чем она думала. Я кивнул её новому другу и закурил. Сделав пару затяжек, я зажал пальцами его трубочку и вкрутил в нее сигарету. Курил ли он до этого или нет – неважно, сейчас этот процесс был явно ему по душе. Внезапно он начал кашлять, сначала где-то глубоко, беззвучно, но вскоре раздражение в горле стало невыноси-

мым. Курящий гость затряс головой, из глаз потекли слезы. Сигарета вылетела из трубочки и, упав на влажные брюки, скатилась в воду, оставив после себя лишь пшик и плавающий бычок. Как он был расстроен. Эта потеря была для него столь невосполнимой, что слезы кашля, сменились вполне натуральными слезами обиды и жалости к самому себе.

– Ничего, ничего, – сказал я и вышел из ванны.

Не прошло и пары минут, как я вернулся обратно, держа в руках стакан с коричневой прозрачной жидкостью. Я поставил стакан точно под трубочку и дружественно кивнул. Это был виски. ЕГО виски. Прихваченный мной из ЕГО же холодильника. Уверен, он бы предпочел пить его в другой обстановке, но поверьте, вкус тогда был бы совсем другим. В два глотка он втянул все и еще несколько секунду шмыгал трубочкой по дну пустого стакана. За всем происходящим жена наблюдала с нескрываемым отвращением. Я демонстративно не глядел на нее, делая вид, что она для меня не существует. Чтобы не допустить между ними хоть какой-то формы общения, я вышел, и ванна снова погрузилась в темноту.

По телевизору не было ничего интересного. Я долго щелкал каналы, но ни на чем не останавливал глаз. Незаметно я погрузился в приятную дремоту, а когда очнулся, за окном уже стемнело. Я не сразу понял, что меня разбудило, но чувство тревоги быстро завладело сознанием. Раздался яростный стук в дверь, и судя по всему, не первый. Схватив саперную лопатку, я выскочил в коридор, и только тут понял,

что стучат во входную. Звонок у нас не работал. Я несколько месяцев не менял батарейки, вопреки просьбам жены. В ванной слышался шум. Включив свет в коридоре, я заметил, как из-под двери, подпертой тумбочкой, подтекала вода. Я рванул в туалет и тут же перекрыл вентили, после чего побежал открывать. Как и следовало ожидать, за дверью орал какой-то из соседей. Меня трясло. Все мое спокойствие осталось в кровати на теплой подушке. Засунув лопату в обувь, я приоткрыл дверь и ринулся в словесную атаку.

– Да, да, выключил уже! Выключил! Заплачу.

От неожиданности сосед отпрянул назад и уставился на меня, как баран на новые ворота. Я вышел на лестницу, и захлопнул за собой дверь.

– Что, много натекло? – как можно непринужденнее поинтересовался я и сделал шаг в сторону первого этажа.

– Да у меня весь потолок, вся ванна, – опомнился пострадавший и начал причитать о своих потерях.

К счастью, я жил на втором, и затопить мог максимум одного человека. Мы вместе спустились к нему в квартиру. Мужик не наврал, ситуация в ванной прямо сказать: из рук вон. Повсюду тазы, ковшики, на полу мокрые тряпки, по стенам струйками бежала вода. Ванная комната у него явно требовала ремонта, но дело было отнюдь не в моей диверсии. Сосед продолжал возмущаться, и неизвестно до чего бы все это дошло, не пообещай я ему десять тысяч рублей за неудобства.

– По три тысячи за квадратный метр, плюс тысяча для круглого счета.

Мужчина сперва замешкался, и стал говорить, мол ремонт – это совсем другие деньги. Я ответил, что не дам больше двенадцати и то под расписку. Еще раз окинув взглядом ущерб, сосед нехотя согласился. Я тут же написал ему расписку на двенадцать тысяч, а когда он опомнился и захотел получить деньги немедленно, посоветовал ему не спешить. Все-таки еще не вся вода стекла, мало ли ущерб возрастет и тогда по новой торговаться придется.

Моему гневу не было предела. Войдя в ванную, я схватил жену за волосы и опустил лицом в воду так, что она не смогла дышать. Любовничек попытался ударить меня ногами, но ничего дельного из этой затеи не вышло. Вода медленно уходила в слив, жена дергалась, накрытая с головой. Соротник по несчастью начал раскачиваться, расплескивая воду по сторонам, чтобы жена не задохнулась. Я отпустил её. Она кашляла. Схватив душевую лейку, я начал избивать обоих, насколько дотягивался шланг. Оставшаяся в ванне вода стала розовой. Заметив, что отбил несколько плиток, я улыбнулся, после чего, вышел, погасил свет, придвинул тумбочку и, закрыв квартиру, отправился бродить по ночному городу.

Ветер с Волги дул нещадно, и очень скоро я продрог до костей. На часах было начало одиннадцатого, но для меня времени не существовало. Зайдя в первый попавшийся магазин, я купил две бутылки дешевого портвейна, баночку дие-

тической колы и поехал на вокзал. Сидя в трамвае, я вспомнил, что кроме завтрака ничего сегодня не ел, и приобрел на вокзале пачку мягких венских вафель. Билет на поезд я не брал. Какой может быть билет, если я даже не знал, куда собираюсь.

Эту стадию своей психологической революции я охарактеризовал бы как бегство. В отличие от прошедшего дня, когда я ничего не знал, но был полон ненависти и обреченной решительности, наступающий вечер вырисовывал мне хоть и туманную, но отчасти определенную картину. Заскочив в электричку до Москвы, я кое-как расковырял бутылку и, пожалев, что забыл купить стакан, влил себе из горла примерно треть от желтоватого содержимого. Вафли оказались слишком сладкими, но на удивление свежими. Я жадно проглотил первую из четырех вафель и вновь приложился к портвейну. Спустя пятнадцать минут захваченный провиант был ополовинен.

Вторая бутылка вина пошла несколько хуже. Меня быстро развезло, и я через силу вливал в себя когда-то любимый напиток. Прикосновение к бутылке, мне напомнили прикосновение к губам собственной жены. В вагоне никого не было. Я закурил, не выходя в тамбур. К сожалению, вафли кончились раньше, чем портвейн. Сделав большой глоток, я затаился и, пригревшись у окошка, задремал, положив ноги на противоположную лавочку. В голове было пусто, абсолютно пусто. Мозг не производил никакой активности. Я плыл, хо-

тя, скорее все-таки летел. Меня окружал космос. Пустой и темный он обволакивал, и я не видел даже собственной руки. Темнота оказалась настолько плотной, будто я ослеп, и лишь повертев головой, заметил вдалеке белую точку. О, это была звезда. Маленькая, далекая, но это была моя звездочка. Я боялся моргнуть, чтобы не потерять её из вида. Терпел так долго, что начал щуриться, водить по лицу руками, бить по щекам, но все-таки моргнул. Это продолжалось мгновение, взмах ресниц, доля секунды, но она исчезла, и сколько я не крутил головой, со мной оставалась лишь темнота.

Звездочка, впрочем, оказалась ближе, чем я предполагал, а по щекам мне звонко била толстая кондукторша. Ее напарница, в надежде разбудить меня без оплеух, светила в лицо фонарем. Я провис между сидениями, и медленно сполз на пол. Тело не слушалось. Я был пьян и с трудом понимал, что вокруг происходит. Женщины что-то говорили. Толстая пыталась трясти, но все попытки привести меня в чувство закончились, когда я, дважды икнув, рыгнул фонтаном прямо в проход. Женщины едва успели отпрыгнуть, выругались и пошли дальше, пригрозив полицией. Мне ничего не оставалось делать, как забиться под лавку и ждать. Я ждал, сам не зная чего, и в какой-то момент отключился.

Когда очнулся, была уже глубокая ночь. Я не сразу понял, где нахожусь. Ноги затекли, и всему телу было очень тесно. Оказалось, что я лежал под лавкой все в том же вагоне, на котором ехал в Москву. Состав не двигался. Нашарив в кар-

мане мобильный телефон, я удивился еще больше. Часы показали четыре утра. Почему я лежу на полу, и как меня не заметили? Я мысленно махнул рукой, и оставил рассуждения на попозже. Под лавкой, к слову, довольно уютно. Я бы не спешил вылезать, но переполненный мочевой пузырь напомнил о себе. Осторожно выбравшись в проход, я подтянулся за спинку лавки, медленно выпрямился и побрел к тамбуру. За окном виднелись фонари. По моим расчетам – через час, максимум полтора, электричка должна была поехать в обратную сторону и отвезти меня домой, в логово собственного ужаса.

Забравшись под лавку, я долго не мог заснуть. И только пообещав себе купить на вокзале пачку тех прекрасных вафель, я погрузился в сладостную дрему. Предвкушение – безотказное снотворное и мощный энергетик. Забегая вперед скажу, что вафли в тот день я так и не купил.

Глава третья

Обустроиваемся помаленьку

В начале рассказа, я упомянул, что работаю с трудными детьми и подростками, хотя по основному образованию я все-таки инженер. По специальности проработал недолго, года полтора. Ровно столько времени мне потребовалось, чтобы получить второе образование и сменить поле деятельности. Подмосковная школа с радостью приняла меня в свой дружный коллектив, предупредив о недопустимости близких отношений со старшеклассницами. На момент трудоустройства я уже был женат, но наличие обручального кольца несколько не останавливало, а даже наоборот, провоцировало некоторых юных и не очень особ заводить со мной долгие душевительные беседы. Томные взгляды, упреки в адрес бывших и нынешних кавалеров или жалобы на абсолютное затишье личного фронта. В душевных разговорах и сплетнях проходило все свободное время между занятиями. Дошло до того, что к началу третьей четверти, мне ужасно опостылел женский коллектив. При первом удобном случае перевестись на работу с надомниками, я, не раздумывая ни секунды, написал заявление. Впрочем, мы немного отвлеклись, а где-то в чугунной ванне моя жена прикована к сливу в компании с собственным любовником.

Вернувшись в город на первой электричке, я направился в

ресторан быстрого питания. Основной моей целью был бесплатный туалет и зеркало, а отнюдь не булочки с котлетами. Тем не менее, я не смог удержаться, чтобы не заказать зерновой кофе с маленьким пирожком. Раньше я мог долго стоять в очереди и рассуждать, брать ли мне пирожок или нет. Этот чертов кусок пережаренного теста с вишней имел надо мной невероятную власть. Хуже всего, что покупка заставляла меня мучиться ничуть не меньше, чем отказ. Бред. Я приковал жену, избил её любовника, неужели я не справлюсь с маленьким золотистым пирожком. Точно бред.

Два пирожка и большой капучино приятно раскрасили мое утро. До дома я решил доехать на трамвае. Купив билет у кондукторши, я машинально взглянул на его номер. 444430.

– Еще четырнадцать билетов.

– Чего?

– Отмотайте мне еще четырнадцать билетов, – протягивая женщине двести рублей, я повторил просьбу.

Забрав деньги, женщина одарила меня недоумевающим взглядом и отсчитала нужное число билетов. Пробежав глазами по бумажной полоске и убедившись, что «счастливый» билет с порядковым номером 444444 оказался-таки в самом конце, я, как ни в чем не бывало, вернулся на место и вышел через две остановки. Сжимая в кулаке билеты, я перебежал через проезжую часть и скрылся во дворе. Мой мозг был предельно сосредоточен. Последние несколько минут вся деятельность серого вещества была направлена на

решение неотложного вопроса: «А что, если сожрать все 15 билетов?» Первый из купленных билетов мог быть не менее счастливым, чем четырнадцать остальных, независимо от суммы цифр левой и правой половин порядкового номера. Более того, если порядковый номер был бы, скажем, 888297, вряд ли я стал бы покупать еще пятьсот с лишним билетов. Их запросто могло не оказаться в наличии у одной кондукторши, и тогда не достичь мне «удачной» комбинации. В моем же случае от счастливого номера меня отделяли каких-то сто восемьдесят рублей и четырнадцать незапланированных билетов. Так неужели эти четырнадцать шагов, что привели меня к удаче, не достойны высокой чести быть проглоченными и растворенными в желудочном соке.

Оказавшись в подъезде, я сразу почувствовал что-то неладное. Ступеньки выплывали из-под ног и, если бы не перила, до второго этажа мне бы пришлось ползти на четвереньках. Войдя в квартиру, я тихо притворил за собой дверь и услышал, как из ванной комнаты раздаются глухие удары. Не разуваясь, я поспешил на звук. Отодвинул тумбочку. Прислушался. К уже знакомым звукам, доносившимся из-за двери, примешивался шелест цепей. Щелкнув по выключателю и мгновенно распахнув дверь, я стал свидетелем очень необычного зрелища. Ничего подобного я не мог себе даже представить. Перевесившись через бортик насколько позволяла ножная цепь, моя жена с надетым на голову пустым железным ведром, ранее стоявшим под раковиной

около ванны, стучалась своим импровизированным шлемом по трубам, уходящим в стену к общему стояку. Её собрат по несчастью как мог помогал, придерживая ноги и мыча что-то обнадеживающее. С мычанием, я, конечно, приврал. Едва вспыхнул свет, перепуганный любовничек заерзал, словно уж на сковородке. Будучи в ведре, жена не сразу среагировала на перемену обстановки и еще раз, а то и два, успела приложиться к трубе. Одним прыжком я подскочил и пресек столь изобретательный способ сигнализации. Стащил ведро и затолкал верхнюю половину супруги обратно в ванну. В ведре оказалась половая тряпка. Несмотря на это, по покрасневшимся глазам и зеленоватой коже становилось ясно, что жену порядочно мутит.

Давно ли начался этот концерт, мне было неизвестно, я даже бровью не повел. Во мне не нашлось места для злости и тревоги. Расстегнув штаны, я стал мочиться на жену, стараясь попасть в ухо. Моя дорогая задергалась, но как-то вяло, словно поддавалась мне. Закончив, я решил помыть руки, но открыв кран, вспомнил, что перед уходом перекрыл стояк. В кармане куртки я нащупал комок билетов и отправился на поиски чего-нибудь, чтобы запить. От воспоминаний о вчерашнем портвейне к горлу подступила тошнота, но вода или чай – фи, слишком просто. Наткнувшись в коридоре на нескончаемую бутылку виски, я расценил находку, как знак, и решил, что именно этим напитком буду запивать билеты на трамвай собственного счастья. Сидя на стиральной машине,

я откусывал от рулона по одному билету и жевал, запивая теплым шотландским вискарем. Жена и любовник смотрели на меня с еще большим недоумением, чем кондукторша.

В наказание за попытку достучаться до внешнего мира, я решил повременить с включением воды и заставить их попотеть до вечера. Мне же за это время требовалось решить задачу с сигнализацией и найти какой-нибудь способ держать этих двоих под неустанным контролем.

– Я придумал вам новые имена. Ты будешь Дружок, а ты – Злюка, потому что ты... – я отхлебнул еще немного виски и причмокнул, – потому, что ты меня бесишь. Дружок, будешь виски?

Просунув трубочку в горло подставленной бутылки, любовник моей жены собрал со дна весь оставшийся напиток.

– А тебе, Злюка, я ничего не дам. Ты себя вела – плохо.

Под жалобный рев жены, я вышел и выключил свет. Если вы еще не заметили, я специально противопоставляю этих двоих друг другу. Дружок уже курит и пьет из моих рук, в то время как жена, она же Злюка, получает в лицо порции теплой мочи. Каждый из них виноват по-своему, но их основная вина заключается именно в том, что они сделали из меня того, кем я стал впоследствии. Кем я являюсь сейчас. Во мне живут тысячи, если не миллионы бесконечно разных и противоречивых личностей. Стоит мне найти общий язык с одним, как я тут же теряю контроль над другими, а они начинают протестовать и требуют равноправия. Сотни голосов

беснуются в моей голове. Я падаю на колени, плачу по ночам и прошу их замолчать, оставить меня, если не в покое, то хотя бы просто не вмешиваться в мой шаткий быт. Лишь в одном эти голоса остаются схожи и настойчивы, все они требуют внимания и соблюдения норм. Но именно эти нормы и были уничтожены в тот вечер. Их попрали жена и её гребанный любовник. Они! они своими грязными переплетенными ногами растоптали то, что я когда-то считал душой, во всяком случае, отождествлял с ней. Под душой я подразумеваю незримую прослойку, проще говоря, фильтр между внутренним и внешним миром. Если я вру, краду (да, я иногда краду), обманываю, предаюсь разврату, злюсь, ругаюсь, мочусь на жену, или делаю еще что-либо *противоестественное*, т.е. противное моему естеству, я пачкаю и порчу свой невидимый фильтр. Всё последующее же, проникающее сквозь него внутрь меня или наружу претерпевает искажение и не остается без налета мерзости, разрастающейся как плесень, как грибок. Чтобы не сгнить изнутри в собственных плохо отфильтрованных, изуродованных и потому неразличимых понятиях добра и зла, я был вынужден вообще отказаться от фильтра. Мне пришлось выскоблить и отшлифовать себя, чтобы мысль, идея, желание, поступок не успевали получить никакой качественной или этической оценки, а обуславливались банальной ежесекундной выгодой, блажью. Сложно. Витиевато. Но упрощение в таких рассуждениях недопустимо и просто губительно.

Все это было после, со временем, а сейчас я просто щелкал пультом, лежа на диване в поисках чего-нибудь пригодного для расслабления. Телемагазин, новости, модный суд, немодный суд, сериал про плохих ментов, сериал про хороших уголовников. Я пролистал не меньше тридцати каналов пока не наткнулся на мультфильм о приключениях желтой губки. Тупо, но смешно. В горихонтельном положении я провел до самого обеда, пока из ванны вновь не послышался какой-то грохот.

Тумбочку в сторону, щелчок, свет, дверь. На полу валялась расколовшаяся раковина. Небольшой кусок мойки с прикрученным смесителем болтался на гибкой подводке. Рядом болталась Злюка, устроившая очередной погром, кричащая и визжащая, насколько позволял заклеенный рот. Когда я стал затаскивать её обратно, она пыталась меня боднуть, но все было тщетно. Дружок следил за происходящим испуганными кнопочными глазами.

– Еще одна подобная выходка, и я больше никогда не включу вод. Поняла? – схватив жену за скулы, я ощущал под пальцами влажную изоляционную ленту. Мне захотелось обмотать её полностью, как мумию электрика, сделать ребристую обездвиженную куклу, но все это отходило на второй план. Сперва требовалось решить, как контролировать шум, ведь не мог же я все время проводить дома. Ответ нашелся сам собой. Интернет – великое изобретение.

В начале седьмого, после звонка курьера, я спустился на

первый этаж.

– Вот, эта ваша.

– Батарейки в комплекте?

– Да, батареечки в пакете. Пожалуйста, вот здесь и здесь. –

С этими словами курьер протянул мне пачку квитанций, где помимо моей громоздилась еще дюжина подписей. Я расплатился и пошел в гараж.

Изобретение, состряпанное за полтора часа, представляло собой тонкий металлический ободок из медной проволоки, последовательно подключенный к автомобильному аккумулятору, второй контакт которого замыкался при срабатывании родительского блока новенькой видео-няни. Камера подключалась к розетке для стиральной машины и реагировала на звук, вызываемый излишней активностью. Получилось неплохо, оставалось опробовать в деле.

Вернувшись домой, я не услышал ничего подозрительного. Из ванной комнаты не доносилось ни единого звука. Вспомнив о разбитой раковине, я решил не разуваться. Ровно сутки прошли с того момента, как эти двое оказались под моим неустанным контролем. За это время они успели целых три раза заставить меня понервничать и усомниться в правоте своих действий.

Жена дремала, точнее, пребывала в забытии, Дружок, как всегда, уставился на меня просящими глазами. Если бы у него был хвост, он бы с радостью замахал им при моем появлении. Мольба сменилась страхом, когда я с грохотом бухнул

аккумулятор на стиральную машину. Злюка очнулась. Прижав подбородок к груди, она смерила меня ненавидящим взглядом и гордо отвернулась к стене. Да, эта сучка еще не знает, какой подарок я ей приготовил. Закрепив клемму на аккумуляторе, другой конец провода я накинул на шею жене. Посередине был впаян родительский блок видео-няни, срабатывающий, как я уже говорил, от шума. Стоило кому-нибудь из гостей начать шуметь, как двенадцать вольт пронзали тело моей благоНЕверной, заставляя её корчиться и думать о своем плохом поведении. В родительском блоке, помимо приемника сигнала, стоял датчик, отвечающий за ложную тревогу. Если малыш повернется во сне или что-то промычит, блок сработает, но при отсутствии повторного сигнала выключится через пару секунд.

– Сейчас я включу няню, и после этого вы будете вести себя тихо. Конечно, если ты, Злюка, не боишься электричества.

В ответ на мое заявления последовало мычание, состоящее, судя по отрывистым словосочетаниям, из матерной брани.

– Проверка.

Видео-няня поняла с полуслова. Мышцы жены пришли к неконтролируемому сокращению. Злюка начала дергаться и беззвучно трястись. Из глаз Дружка закапали слезы. Указанные в инструкции две секунды, на мой взгляд, длились намного дольше. Что ж, первое впечатление часто бывает об-

манчиво. Дружок попытался мне что-то сказать, но я не стал его слушать, хотя, судя по голосу, он умолял о чем-то любопытном. Поставив поверх аккумулятора видеокамеру, я вышел.

Вопрос с наблюдением и охраной был решен, оставалось позаботиться о питании. В тот момент я еще не знал, сколько буду держать этих двоих в ванне. Никакого плана у меня не было. Я продолжал действовать, увлекаемый внутренними голосами в чашу манящей неизвестности. Пока я находил оправдание своим действиям, они не пугали меня, а значит, мне нечего было бояться. Тогда я не был готов к убийству, пыткам, даже к сознательному насилию. По сравнению с настоящими маньяками, о которых я когда-то слышал или читал в газетах, я был просто школьник, шалун. Резонный вопрос: «Как долго может продолжаться состояние аффекта?». Пребываю ли я в нем, или все происходящее – не плоды психического расстройства, вызванного изменой, а давно спланированные фантазии, притворяемые в жизнь. В размышлениях я забрел на кухню, открыл холодильник и нашел бутылки с ягодным кефиром и обезжиренным молоком. Кефира было больше, по составу он казался вполне питательным, и я решил отдать его жене. Крашеная вода, она же обезжиренное молоко, досталась Дружку. Сжав ногами бутылку кефира, Злюка жадно тянула через трубочку густую розоватую жидкость. Любовничек довольствовался молоком, но тоже не жаловался. Я убавил чувствительность приемника

видео-няни и включил воду. Пустые бутылки решил не забирать, пусть валяются.

Глава четвертая

Побег

Я не мылся уже четыре дня, но не замечал собственного запаха. Более того, несмотря на наличие ванной, жена с любовником тоже пахли совсем не жасмином. Правда, в отличие от них, у меня в доступе был туалет, и мне не обязательно было ходить под себя, чтобы потом в ожидании душа вонять до самого вечера.

После пары ударов тока жена практически не бузила. Я купил по акции сорок упаковок дешевой растворимой лапши и всю её высыпал в ванну, включая масло и специи. Из расчета по три пачки на человека в день, этого должно было хватить им на целую неделю. Раньше, чем через пять-шесть дней, независимо от того, солят они воду, будут терпеть или жрать это месиво вперемешку с отходами жизнедеятельности, кормить я их не собирался. Эти две туши стали меня порядком бесить, но делать было нечего. Приходилось терпеть. Их рожи стали мне омерзительны, особенно Дружок. Как я не старался в глазах жены выставить его своим любимчиком, подарить надежду на спасение, на пробуждение от кошмара, с каждым днем я все больше и больше ненавидел его. Дружок вонял так, словно разлагался заживо. Когда я мочился на жену, он старался заглянуть мне в глаза, чем еще больше раздражал меня. Его мычание, глупые просьбы, о которых я

мог только догадываться, и дрожащие надбровные дуги стояли мне уже поперек горла. Быть может, я был зол совсем не на него, а на эту покладистость, дурацкую веру в то, что я не брошу, что хотя бы его оставлю в покое, и когда-нибудь сжалившись, отпущу, или полиция найдет его еще живого и теплого, способного говорить или хотя бы видеть. Не знаю. Тактика жены была полной противоположностью. Она молчала и также молча принимала пищу, понимая, что гордость и отказ сулят голодные и бессмысленные мучения. С появлением в ванной видео-няни я перестал тушить свет. При закрытой двери в крошечной темноте происходящее на мониторе было едва различимо.

За окном – ранее утро, солнце еще не взошло и вся квартира, не считая ванной, погружена во мрак. Монитор, на который приходила картинка с камеры за ночь погас. Я пошевелил мышкой, но оказалось, что и компьютер в «спящем» режиме. Ткнув ногой кнопку системного блока, я не стал дожидаться загрузки и пошел на кухню. Прокравшись мимо ванной комнаты, я прислушался. Из-за двери доносились короткие призывные стоны. Кто-то явно хотел, чтобы на него обратили внимание, и судя по манере, этот кто-то – моя жена. Прошмыгнув в темноту спальни, я выхватил из-под подушки саперную лопатку и затаился. Полоска света, пробивающаяся из ванной комнаты, росла, пока дверь не уперлась в тумбочку. В образовавшуюся щель пролезла рука и начала осторожно шарить в поисках неожиданного препятствия.

Найдя тумбочку, рука стала медленно отодвигать её в сторону. Голос жены смолк. Я стоял в тени и смотрел за всем происходящим. Тумбочка отплыла в сторону, дверь распахнулась еще больше и в проход выскользнула фигура Дружка. Темнота скрывала меня от его глаз, привыкших к искусственному свету. Было видно, как обвисли его промокшие штаны, рубаха, и что на лице у него отсутствовал скотч.

– Развяжи меня, развяжи, – из-за открытой двери шепот жены слышался намного отчетливее. Её голос показался мне таким далеким и забытым, голосом другой женщины, которую я никогда не знал.

– Сейчас, – нервно обернувшись, цыкнул Дружок, – я не знаю, где он.

– Не оставляй меня, только не оставляй меня, слышишь!
Вместо ответа любовничек лишь махнул рукой и продолжил свой путь по коридору.

Я слышал его шаги. Выглянув из-за угла, я заметил, как он осторожно наощупь изучает замки на входной двери. Покрутив подвернувшиеся ручки, Дружок осторожно толкнул дверь, но никакого эффекта не последовало. Я настолько успокоился, что решил разыграть жену, но для начала разобраться с её незадачливым другом.

Ребро саперной лопатки прилетело точно в затылок. Дружок даже не пикнул, глухо осел и больше не дергался. Я открыл дверь на лестничную клетку, чтобы до жены просквозило достаточно свежего воздуха, а сам потихоньку поволок

Дружка на балкон. Компьютер уже загрузился, и я мог наблюдать, как жена нервно дергается, с трудом поворачивается и свешивается через борт, пытаясь заглянуть во мрак коридора, где в самом конце яркой полоской света манит открытая дверь. Проверив пульс и удостоверившись в его отсутствии, я вытащил на балкон смердящее тело и продолжил наблюдать за супругой. В отсутствии любовника ей уже ничто не мешало растянуть цепочку на полную. Она практически дотянулась до стиральной машины, но помешали скованные руки. Присмотревшись, я заметил в ванне кусок расколотой несколько дней назад раковины и понял, что именно им, естественно не без помощи Злюки, Дружку удалось перепилить пластиковые хомуты. Лицо жены было все красное от натуги. Она из последних сил пыталась вырваться и не оставаться одной. Настало время моего выхода.

– Сука! Сука! – с топотом влетев в ванную, я первым делом схватил жену за горло и начал трясти. – Где этот ублюдок? Тварь, где он, где?! – вцепившись ей в волосы, я затащил её обратно и отвесил несколько хлестких пощечин.

Вспомнив, что рот уже не заклеен, жена начала орать и попробовала кусаться. Я приложил её головой о плитку, несильно, ведь теперь уже не собирался её убивать. Руки скользили по влажной коже изменницы. Я схватил тяжелый аккумулятор и с размаху бросил ей на ноги. Жена взывала. Вслед за аккумулятором мне под руку подвернулся веник, но после пары ударов, он показался мне слишком щадящим

оружием, и я заменил его на уже проверенный душ. Спустя пару минут жена уже не кричала. Нос разбит, из уголков губ сочились густые полоски темной крови. Я посмотрел в зеркало: волосы дыбом, лицо покраснелось, на нечищенных зубах налет шоколада и грецких орехов.

В отсутствии ванной и жены, мое питание изменилось. Я вел жизнь одинокого маленького мальчика со средним доходом и жрал только шоколад, сырные палочки и орехи, запивая все это литрами кофе и молока со вкусом карамели.

Глава пятая

Клювик

Прошло три дня. Три дня, за которые жена потеряла всякую надежду быть спасенной своим дорогим и, быть может, когда-то любимым существом, последним прозвищем которого стало «Дружок». Я больше не заклеивал ей рот, разговаривать ей было не с кем, а для тишины вполне хватало ошейника. Уж не знаю, заметила ли она или нет, но после первой яростной вспышки я больше не разыгрывал спектакль и не делал вид, что напуган неожиданным побегом. Скорее всего, на второй день она уже догадалась о провале и если не смерти, то какого-то иного заточения для её приятеля. Дружок вонял на балконе, но вскоре я переложил его. Я знал, что сделаю с ними и, забрав из гаража сварочный аппарат, три дня работал над одним любопытным приспособлением.

На четвертый день после побега я пришел в ванную. С собой я прихватил дрель и массивный крюк с дюбелем. Встав на лестницу, я просверлил стену над ванной практически под самым потолком, ввернул дюбель, затем крюк, кивнул жене, улыбнулся и вышел, после чего вернулся, прихватив из комнаты нечто, завернутое в платок.

– У меня для тебя маленький подарок. С его помощью ты сможешь сама добывать себе пищу.

Жена прищурилась, и к извечному омерзению, источае-

мому её взглядом в мой адрес, примешались недоумение и робкая недоверчивость.

– Не дергайся, а то будет только хуже. Уж это я тебе гарантирую.

Когда я раскрыл сверток, жена отпрянула в сторону и затрясла головой. Её взгляд застыл на блестящем предмете. Это было приспособление с двумя кожаными ремешками, один из которых опоясывает макушку, а второй – крепится на затылке. Сам по себе предмет напоминал клюв, хотя, что уж там говорить, это и был сваренный, загнутый, заточенный и отполированный клювик. Его верхняя половина с крючком, как у орла, сильно выступала над нижней. Между половинками имелась щель, через которую пища и жидкость маленькими порциями могли поступать в рот, а также прорези для воздуха. Изначально я планировал сделать клюв подвижным, но в итоге посчитал это излишней роскошью и упростил конструкцию. Терпение, угрозы, шантаж и физическая сила помогли мне закрепить новый блестящий аксессуар на лице когда-то обожаемой женщины.

– Ты моя птичка. Сейчас я принесу тебе покушать.

Клюв плотно прилегал к лицу, закрывая рот и нос. Отшлифованный кончик был острым как скальпель, но недостаточно прочным, чтобы справиться с оковами или железной крестовиной слива. При желании жена бы смогла вскрыть себе вены, но только на ногах, впрочем, я не думал, что она сподобится на такое. В моих планах на будущее

значилось натаскать веток, чтобы ванна походила на гнездо, распороть несколько подушек и разбросать перья, а также найти записи птичьих голосов и транслировать их через динамики.

Чтобы сохранить для жены её первый обед, мне пришлось вытащить из морозильной камеры все полки и продукты. Вывалив Дружка на пол, я накинул ему на шею прочную синтетическую веревку и потащил к ванной.

Что творилось с женой. Вряд ли вы сможете себе это представить. Я битый час подвешивал на крючок замороженную тушу её бывшего любовника, а все почему? Взбесившаяся жена орала и норовила клюнуть меня, после чего стала биться головой об лестницу. Даже электричество не сильно помогало, а что уж говорить об угрозах. Этот цирк мог бы продолжаться долго, пока я не надел ей на голову железное ведро и пару раз не ударил по нему душевой лейкой.

Болтающийся в петле Дружок ступнями едва касался края ванны. Талая вода, стекающая с одежды, была грязно-желтой и мерзко воняла. Я раздел его, чтобы он еще больше походил на свиную тушу. Взяв светящийся маркер, я провел несколько ярких линий от таза до ступней, обозначая линию надреза, после чего снял ведро.

– Ты можешь не прислушиваться к моему совету, но, чтобы он окончательно не сгнил, нам придется его немного распотрошить.

Крик жены, сдавленный железным клювом, говорил о

том, что совсем не этого она ждала, выражая в ЗАГСе свое согласие.

– Я тебе помогу. Беру на себя все, что выше пояса.

С этими словами, я провел скальпелем (да, я купил скальпель и посмотрел несколько видео-уроков) от шеи Дружка до отвисших причиндалов. Поскольку тело было еще холодным, да и хранился Дружок в вертикальном состоянии, в образовавшемся надрезе крови практически не оказалось. Надев плотные перчатки, я начал отсекать и выгребать внутренности, сбрасывая их на жену, бьющуюся в припадке.

Органы цеплялись между собой, скручиваясь в огромный полурастаявший сгусток разноцветной требухи. Вся эта вонючая масса валилась жене на ноги и разбрызгивалась по ванне. Я орудовал скальпелем как заправский мясник, во всяком случае, таким я себе казался. Посмотрев в зеркало, я обратил внимание, как светятся мои глаза. Обычно тусклые, они мерцали фиолетовым, потусторонним огнем. В голове вновь зашумели голоса. Я слышал их все громче, но от того едва ли понимал, тем более сразу. Я отскабливал все, что попадалось под нож, вычищая тушу Дружка до самого мяса. Жена отключилась и не подавала признаков жизни. Пульс я не щупал, но знал, что она дышит, а значит рано или поздно проснется, сойдет с ума, проголодается и начнет клевать свой обед, ужин или завтрак, в зависимости от времени суток, совпавшим с пробуждением. Крупную требуху я свалил в пакет для мусора. Из душа, попутно окатив жену, смах-

нул мелкие ошметки и промыл тушу. Чтобы ей было проще освоиться и прислушаться к собственным ощущениям, я закрыл дверь, подставил тумбочку и выключил свет.

Глава шестая

Так и живем

Прошло три дня. К жене я больше не заходил, слышал только, как она открывала воду. Если вода текла долго, я перекрывал стояк, а через несколько часов открывал вновь. На четвертый день мне послышался шелест цепей и вой, но я вновь проигнорировал произошедшее. К слову сказать, вонял я изрядно. Люди на кассе шарахались от меня в соседние очереди, даже если те были длиннее. Питался все также: кофе, карамельное молоко, шоколад и сырные палочки, только орехи надоели, и я заменил их на имбирные пряники с глазурию крем-брюле. Вечера проходили за просмотром порнографии и мультфильмов.

Через неделю я вновь услышал лязг цепей и легкое металлическое постукивание. По моим прикидкам неделю она вполне могла протянуть без еды, но, чтобы больше... В этот момент, она должна была либо покончить с собой, либо приступить к трапезе. На восьмой, девятый и десятый день из-за двери не доносилось ни звука. Я ждал и все никак не хотел открывать. Прошло одиннадцать дней, двенадцать.

Я открыл дверь на четырнадцатый день. Ровно столько билетов отделяли меня от заветного номера, так что и здесь не обошлось без символизма. Исхудавшие ноги жены, вся ее одежда, лоб и клювик были залиты кровью. В петле ви-

сел Дружок. Правая ступня и лодыжка имели многочислен-
ные надрезы, надрывы, и прочие ранения, свидетельствующие о попытках жены не воротить клюв, а попробовать блюдо от шефа. Иссохшая грудь медленно поднималась вверх-вниз, вверх-вниз. Я снял штаны и начал будить её. Жена задергалась так неожиданно, что я едва не упал. Вперив в меня невидящие глаза, забывшие о существовании света, она слепо бросалась в мою сторону, чувствуя тепло и запах. Забыв надеть штаны, я выскочил в коридор, где меня трясло, словно доктора Франкенштейна. Нечто, когда-то бывшее моей женой, сжирало собственного выпотрошенного любовника. Мне хотелось снова и снова заходить и любоваться своим творением. Я еле сдержался, чтобы не открыть дверь, но все же выстоял и не поддался искушению. О, как меня трясло. Ноги занемели, но в них бурлила кровь, словно я заснул на унитазе, а проснувшись, тут же подпрыгнул. Я хватался за стены, меня шатало, штормило, и снова голоса, голоса. Они все пели, кричали, скандировали. Мне слышались торжественные марши. Сердце замирало, а воздуха становилось все меньше. Я схватился за горло и упал, распластавшись посреди коридора. Занавес.

Сегодня сто сорок восьмой день, как моя жена превратилась в плотоядную птицу. Я завалил ванную ветками, натаскал сена и душистой травы. Распоров подушку и обнаружив внутри синтепон, я расстроился, но заглянув в шкаф, нашел пуховик жены, и, посчитав, что ей он уж точно не понадо-

биться, смело пустил под нож. Недавно я поймал ворону и поселил в ванной комнате. Беда в том, что она стала слишком громко каркать. У меня возникла идея удалить ей голосовые связки, но в интернете не оказалось подходящего видео. Не став рисковать здоровьем птицы, я выпустил ее на волю.

– Ну, что скажешь?

– Ты просто чокнутый, грязный, вонючий, конченный извращенец. Ты привел меня трахаться или пугать своими страшилками? Нет, знаешь, мне, конечно, похеру. Деньги плати и читай хоть Войну и мир, но скажи, как ты вообще весь этот бред выдумал?

– Бред... – отложив тетрадку с рукописью, я засунул руку под подушку. Пальцы мгновенно оплели рукоять саперной лопатки. – Птичка моя, ужин почти готов! Ты ведь не против полакомиться жирной вокзальной шлюхой?

Конец?